

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х15

Хаецкая, Елена.

Х15   Тайнственные истории, случившиеся с обычными людьми /
Елена Хаецкая. – Москва : Алгоритм, 2015. – 320 с. – (Очевидцы
сверхъестественного).

ISBN 978-5-906789-87-7

Перед вами живая книга городских легенд. Популярная российская писательница Елена Хаецкая создала поистине невероятный сборник, в котором собраны рассказы обычных людей, чья жизнь кардинально изменила встреча с миром сверхъестественного. Благодаря этой книге вы обязательно пересмотрите свое отношение к призракам, привидениям и пришельцам.

Мастерское повествование автора напоминает лучшие рассказы Нила Геймана, но а сюжеты подбросили сама жизнь и Санкт-Петербург, в котором и случились эти истории.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906789-87-7

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Анна и ее музыка

Музыка заканчивается там, где заканчивается ее власть над людьми. Самый затаиненный шлягер — даже на ощупь ветхий, такой, что и заплатки не держатся, — все-таки еще обладает этой таинственной способностью: дирижировать человеческими движениями, управлять чувством и лепить на том узеньком клочке земли, где он слышен, собственный бесхитростный балетик. И только начиная с бессвязного «металла» уличная музыка утрачивала эту способность и переставала, таким образом, считаться музыкой. Даже за рэпом с его невнятным, абсолютно чуждым сердцу негритянским речитативом Анна Викторовна признавала право считаться музыкой. Даже рэп заставлял ее изменять походку — как бы ни противилось этому сердце. Хотя, конечно, с вальсами в исполнении полковых оркестров это не идет ни в какое сравнение.

Анна Викторовна любила шлягеры. Любые, даже пошлые и сладенькие. Даже — о ужас! — «блестящие» с их бе-рущей за душу мелодией и проникновенными, изумительно глупыми призывами пожалеть воров и убийц, ибо у тех тоже имеется старушка мать. Анна Викторовна скрывала свое пристрастие, иногда даже от самой себя, но в первую очередь — от дочери. От своей умной дочери, которая состояла в разводе и носила контактные линзы, сделанные восемь лет назад в дорогой немецкой клинике после случайног о денежного прилива. Больше приливы не повторялись, клиника давно закрылась, линзы устарели, но дочь упорно продолжала их носить — как своего рода розовые очки, как гарантию возвращения счастья. Цветные стеклы радости, которые таились в незатейливых шлягерных припевах,

решительно не устраивали умную дочь, поскольку она закончила Политехнический институт. Дочь упорно и хмуро трудилась на нелюбимой, плохо оплачиваемой работе, в чем усматривала стабильность. Дочь любила говорить о своей будущей пенсии. В ее трудовой книжке нет перерывов трудового стажа. У нее будет хорошая пенсия.

Дочь у Анны Викторовны была неудачная. Дело даже не в том, что она была бездетной и состояла в разводе. Хотя, конечно, надпись «РАЗВЕДЕНКА», незримо, но явственно выведенная на ее озабоченном лбу меленькими морщинками, тоже не украшала.

Если по радио начинали передавать какую-нибудь «Лаванду» или «Ламбаду», дочь немедленно врывалась на кухню с искаженным лицом и вытаращенными, водянистыми от линз глазами. Она кричала: «Мама, немедленно выключи эту гадость! Как ты можешь?» — и сама впивалась в трехпрограммный приемник. Однажды она его сломала.

Поэтому Анна Викторовна ходила слушать шлягеры в парк.

Александровский парк был самым пивным местом Петроградской стороны. И самым безопасным. Все безобразия происходили в каких-то других местах, а здесь люди только отдыхали.

На маленьком пространстве парка разместилось огромное количество достопримечательностей, каждая из которых имеет собственных завсегдатаев, аборигенов и ангелов-хранителей; одни люди принадлежат парку, другие — нет. Невозможно искоренить тех, кого парк признал плотью от своей плоти: они неподвластны ни судорогам сухого закона, ни «антитеррористическим» акциям, в ходе которых периодически уничтожаются их излюбленные злачные места. А чужаки проходят здесь, не оставляя следа.

В те дни, когда на расположеннем неподалеку стадионе играет питерская футбольная команда «Зенит», Александровский парк становится «чертой оседлости». Болельщики «Зенита» в парке, несомненно, чужие: их терпят, как нашествие саранчи. Они мешают завсегдатаям выпивать благопристойно.

Согласно правилам, в радиусе километра или даже двух от стадиона в дни матчей прекращается любая продажа спиртного. Первые открытые для болельщиков ларьки с пивом находятся как раз в парке. Пока длится матч, у продавцов непрерывно работает прямая трансляция. Подъезжают пузатые грузовички, грузчики, сверкая полуобнаженными торсами, складывают штабеля ящиков, предназначенные на убой коричневые бутылки высываются из ячеек, как негры-рабы из трюмов.

Затем надвигается первая волна разгоряченных людей — в гигантских надувных бело-голубых цилиндрах, с оглушительными дуделками, с голубыми клубными знаменами. Цунами встречается с берегом.

Крики и свист вплетаются в музыку парка, делают ее гуще, рвут ее ткань — но уничтожить не в состоянии.

Анна Викторовна возвращалась домой через парк с рынка. Обычная тетка с авоськами. Пятьдесят лет, пятидесятий размер одежды. Чуть полинявшее платье, синее в мелкий цветочек, увядшие руки крепко держат тяжеленные сумки, голова чуть опущена, словно бы для тарана. Гнусненькая рыжеватая шерсть вместо волос: дочь настаивает на том, чтобы Анна Викторовна красилась. «Ты еще не ста руха, чтоб ходить седой». Та же дочь покупает ей дешевую краску. Краска съела когда-то густые волосы, сделала их тонкими и мертвыми. «Странно, — думала Анна Викторовна, исподлобья озираясь по сторонам и обливаясь потом посреди летнего дня, — когда я была молодой, мне казалось непонятным: почему все бабки, достигнув пятидесяти, разводят у себя на голове это отвратительное рыжее химическое безобразие. Я недоумевала: зачем? Разве не лучше естественная седина? И вот я сама — хоть в книжку типажей портрет вклеивай: дряблые руки, немаркий сарафанчик — еще с восьмидесятого года, раздавленные пятками босоножки — и эти волосы...»

Она ходила через парк еще потому, что здесь не было зеркальных витрин.

Но главной приманкой была, конечно, музыка.

Сперва шли кафе. В одном перед пустыми столиками на маленькой эстраде подолгу выступал немолодой певец с приятным баритоном. Случалось, он чуть срывался, но никогда это не резало слуха. Анна Викторовна останавливалась — послушать хотя бы пять минут. И всегда недоумевала: к кому он обращается с такой задушевной интонацией, кому делает заученные призывающие жесты, как бы подманивая к себе невидимых женщин.

Анна Викторовна жалела, что не курит и не пьет пива: возможно, она делала бы и то, и другое, но дочь с ее звериным нюхом непременно бы учゅяла и встретила бы скандалом: «Мало мне было мужа-пьяницы, так теперь еще и родная мать!» Кстати, муж, с которым дочь находилась в разводе, по мнению Анны Викторовны, пьяницей вовсе не был. Он честно отслужил соломенным болваном для втыкания стрел и копий, а спустя пять лет попросил пощады — и был вышвырнут за порог.

Если бы Анна Викторовна курила, она могла бы сделать вид, что остановилась не послушать музыку, но закурить. Ей казалось, что без папирозы в руке ее тайна делается слишком очевидной для окружающих и что кто-нибудь из них может рассказать об этом дочери. И тогда... «Мама! Как может женщина, читавшая «Войну и мир», слушать песню «Капля в море, капля в море, а на море корабли...»?!!»

Да Бог знает, как это выходит. Анна Викторовна и «Войну и мир» читала, и «Каплю в море» слушала... Однажды она сказала дочери: «Может быть, я — цельная натура?» Дочь обомлела, распахнула глаза, несколько секунд глотала воздух, а потом безнадежно махнула рукой и вышла из комнаты. Она была оскорблена.

Певец на эстрадке замолчал. Из бара лениво выбрался бармен, трижды обернувшись вокруг тощих бедер черным фартуком. Певец взял маленький стаканчик с желтоватой каплей коньяка на донышке, аккуратно выпил, облизнулся. Бармен уселся за пустой столик, налил себе. Снова заиграла музыка. Это была не живая музыка, а караоке, но голос певца был безупречно живым.

Чудо началось, как всегда, неожиданно: Анна Викторовна стала различать за пустыми столиками тени женщин. Это были молодые женщины в платьях, сшитых по моде восьмидесятых, с дурацкими рукавами «летучая мышь» и спущенным лифом, наползающим на талию. Но они были невероятно молоды, а их глаза, подкрашенные, согласно советам нового для России журнала «Бурда-моден», переливались зеленым и фиолетовым. И мужчины смотрели на них с радостным удивлением.

Когда певец плавно двигал рукой, женщины поворачивали головы и медленно улыбались. Они все время думали о том, как удивительно накрашены их глаза.

Анна Викторовна не моргала, сколько удавалось, но затем все-таки ее веки шевельнулись, и видение тотчас исчезло. Но она узнала, для кого старается певец на пустой эстрадке. Это было важно.

Следующее кафе специализировалось на бодрых блатных песенках. Плачевная судьба воров выглядела здесь единственно возможной. Если не слушать слова, то мелодия была идеальной: она была назойлива и формировалась походку женщины еще долго после того, как музыка отзвучала и скрылась за деревьями. Любить эти шлягеры Анна Викторовна считала наиболее постыдным. Но ничего не могла с собой поделать — она любила и их...

Далее требовалось как можно скорее миновать бойких молодых людей, третировавших гитару и маленький барабанчик: эти полагали, что обитатели парка непременно должны платить им просто за одно их появление в парке. Для этого существовала извилистая девушка со шляпой, которая бросалась на проходящих мимо людей с криком: «Поддержите музыкантов!»

Анна Викторовна не считала этих ребят музыкантами. И даже не потому, что они плохо играли. Они были здесь чужими, вот и все.

Анна Викторовна проходила мимо них, как суровый, непреклонный танк. Она знала, что у нее неприятное лицо: маленькие глаза, тонкий, сжатый в нитку рот, обвисшие бледные щечки. Дряблая картофелина, сваренная в мунди-

ре и забытая на столе. Извилистая девушка шарахалась от нее. У Анны Викторовны даже не было сил завидовать ее молодости.

Она спешила домой. Она и так уже задержалась в парке, и дочь будет недовольна.

Два музыкальных ларька, расположенные по обе стороны станции метро, источали музыку: один — какую-нибудь изысканную новинку, другой — исполняемые натруженным басом «Шестнадцать тонн», песню американских горняков, очень эксплуатируемых, но, как и негры, неунывающих. Даже странно, почему они всегда ставят эти «Шестнадцать тонн». И еще странно, что они никогда не надеяются.

Музыка знала свои границы и никогда их не пересекала. Еще минуту назад Анна Викторовна находилась в воздушном пространстве изысканных новинок — и вот уже, буквально шаг спустя, погружается в тяжелые объятия «Шестнадцати тонн».

Однако сегодня что-то случилось. «Шестнадцать тонн» молчали. Киоск исчез. Не было и обычных приграничных торговок, отчаянных, как индейцы, выменивающие на вампумы у белых одеяла и «огненную воду», — темнокожих коварных саацинок, продающих за сто рублей ядовито-розовые кофточки и пижамы с колючими кружевами у ворота: «Сто рублей, девочки, сто рублей!» — кричали саацинки, рассыпая во все стороны ослепительные улыбки и никому не глядя в глаза равнодушными глазами.

Анна Викторовна любила рассматривать эти кофточки, всегда разные — и всегда одинаково пестрые. И ей представлялось, что это колониальный товар, пахнущий потом негритянок, слежавшимся чаем и йодистым духом деревянного трюма. Место, облюбованное саацинками, находилось там, где обе музыки сталкивались и вливались одна — в левое, другая — в правое ухо; но, перекривая все на свете, пронзительно твердили темнокожие, хорошо кормленные, красивые приграничные торговки: «Всего сто рублей, девочки! Всего сто рублей!»

«Где же они?» — думала Анна Викторовна, оглядываясь. Она чувствовала себя немного обманутой. Конечно, она никогда не покупала, но торговки на нее не обижались: казалось, каким-то глубинным чутьем они догадывались, что эта увядшая дама с авоськами — на их стороне, а это было гораздо важнее любых покупок.

Народ толпился чуть подальше, там, где стоял ныне исчезнувший ларек. Как будто борцы за права американских горняков свое слово сказали, своего добились — и теперь перебрались туда, где закипела профсоюзная борьба, а на их место явился кто-то совершенно новый.

Анна Викторовна сделала еще десяток шагов, и наконец услышала новую музыку этого места.

Играл аккордеон. Шлягер за шлягером: то, что любили в шестидесятые, и то, что любили в семидесятые, и еще совершенно классические мелодии тридцатых. Он играл непрерывно, переливая одну мелодию в другую, и музыка смешивалась, как краски в банке с водой, образуя то розоватый, то сиреневый, то коричневатый, то зеленый оттенок. Человек, сидевший с аккордеоном на маленьком раскладном стульчике, был совершенно незаметен. Анна Викторовна пыталась разглядеть его, но у нее не получалось: инструмент почти полностью скрывал музыканта от посторонних глаз. Видны были только чуть сморщеные пальцы, уверенно бегавшие по клавишам, да клок желтовато-серых волос, покачивающийся над мехами. Костлявые колени, широко расставленные, обтянутые безликими брюками, выглядели неприступно.

Неожиданно Анна Викторовна поняла, что музыкант не важен. Важно было нечто иное, происходившее внутри круга зрителей. Она перехватила свои авоськи поудобнее и протолкалась в первый ряд.

На крошечном пятаке танцевали. Точнее, танцевала одна пара — очень странная: молодой человек, гибкий, как тореадор, с напомаженными черными волосами, приклешенной улыбкой под нарисованными усами, неподвижными, широко раскрытыми глазами, вел в танго чуть смущенную женщину средних лет. Самую обычную женщину, в бесфор-

менной блузке, выпущенной поверх бесформенной юбки. В растоптанных босоножках. Она танцевала не слишком умело и гримасничала: то прикусывала губу, то вдруг растягивала рот в усмешке. Юноша кружил ее, прижимал к себе, отталкивал и ловил за кончики пальцев, и она болталась в его руках, как гигантский наполненный воздухом шар.

Аккордеонист оборвал мелодию. Женщина сказала юноше:

— Уф! Спасибо.

И положила в раскрытый саквояж пятидесятирублевую купюру. Затем, источая удивительно молодой, пряный запах, скрылась в толпе.

Молодой человек провел ладонями по лицу, встряхнулся — как будто избавляясь от памяти о былой партнерше, — и посмотрел вверх, над толпой.

— Всего пятьдесят рублей! — сказал он. — Любой танец по вашему выбору. Пятьдесят рублей.

Аккордеонист на мгновение показался из-за инструмента, взял стоявшую рядом на земле бутылку с газированной водой, хлебнул и снова нырнул за свое укрытие.

— Танцор международного класса! — сказал молодой человек усталым голосом. — Всего пятьдесят рублей. По вашему выбору.

Аккордеонист наиграл что-то невесомое. Танцор сделала несколько движений на месте — земля как будто не держала его, отталкивала, заставляя кружиться.

Анна Викторовна смотрела, чувствуя, как внутри нее растет жгучая пустота. Эту пустоту требовалось заполнить, иначе она попросту разъест естество, и Анна Викторовна уже знала, что сделает это. Она еще медлила, но авоськи уже стояли на земле, прислоненные к дереву.

Танцор плясал у нее перед глазами, как хлыст. Она смотрела на ноги в безупречных брюках со стрелкой, на лакированные туфли очень большого размера, на приталенный пиджак. Белая рубашка пахла крахмалом. Этот запах смешивался с запахом очень тонкого одеколона. Очень старого. Таким пользовался отец Анны Викторовны.

Она выложила сотню — все, что оставалось от пенсии, свою старческую заначку, которую всегда прятала от дочери, не желая зависеть от нее всецело, — и протянула к танцову руки.

Мгновение она видела свои пальцы, толстые, с обломанными ногтями, — но затем все скрыла элегантная сильная ладонь молодого человека. Музыка началась. Он не спросил, какой танец она выбирает. Он выбрал сам — фокстрот.

И Анна Викторовна, ведомая властными руками юноши, тряслась в веселом фокстроте, мучительно догадываясь о том, как выглядит со стороны: содрогающийся квадратный зад, обтянутый ситцем, и бока как студень... Но пути назад не было, ее обнимали и подталкивали назад, а после тянули на себя, и они делали шажки и повороты, как велела им музыка. Анна Викторовна не решалась поднять голову и посмотреть в лицо своему партнеру. Ей было страшно, и она сама не понимала, отчего. Запах отцовского одеколона мучил ее. Ей хотелось, чтобы танец оборвался, прекратился, сменился чем-нибудь другим. Но испытание длилось и длилось. Неожиданно молодой человек резко остановил ее: как автомат, в котором закончился завод, когда требуется бросить в щель еще одну монетку. Но, поскольку Анна Викторовна оплатила два танца, юноша, выдержав паузу, во время которой не отпускал свою партнершу, начал снова.

Теперь это был вальс-бостон. Анна Викторовна покачивалась и кружилась, влекомая неотвязными руками, и теперь ей поневоле пришлось смотреть в лицо партнеру, поскольку в противном случае у нее начинала кружиться голова, и она боялась упасть.

Он показался ей пластмассовым, как кукла Кен. Он не был красив. Усталый, потрепанный Кен, ветеран множества вечеринок с участием Барби и прочих обожаемых блондинок с замусоленными волосами, в фантастических нарядах, сделанных из обрезков кружева, старых ленточек и носовых платков. Танцуя, он чуть прикрыл глаза. Анна Викторовна не мигая смотрела на его крупные, выпуклые веки, на которых вдруг начали подрагивать голубоватые прожилки.

Неожиданно он проговорил — его губы остались при этом почти неподвижны:

— Следи за ритмом. Не сбивайся.

И сильно потянул ее на себя, а затем развернул, и она действительно едва не упала, таким резким показался ей этот поворот.

Музыка стихла — так внезапно, словно аккордеонист умер. Молодой человек разжал пальцы, и Анна Викторовна осталась совершенно одна. Она растерянно провела ладонью по взмокшему лбу и шагнула в сторону. Ноги плохо слушались ее. Они как будто затекли и норовили подогнуться при первой же возможности. О сумках, оставленных возле дерева на земле, Анна Викторовна забыла. Точнее, смутный образ «чего-то», о чем она почему-то должна помнить, мелькнул в ее сознании, но тут же стерся.

Она схватилась рукой за ствол, запустила пальцы в ложбинки коры. Кругом болтали и перемещались люди, но никто не обращал на Анну Викторовну никакого внимания, и она постепенно успокоилась: по-видимому, ничего странного в ее поведении нет. Подумаешь, у пожилой женщины закружилась голова! Такое сплошь и рядом случается. Если будет долго стоять и хватать ртом воздух, подойдет кто-нибудь с мобильным телефоном и предложит вызвать «скорую». Народ у нас все-таки хороший.

По счастью, пока никто не подходил. Анна Викторовна глубоко, всей грудью вздохнула, и ее легкие наполнились. Она уловила запах мяты травы и вдруг поняла, что много лет уже не различала запахов — во всяком случае, с такой остротой. Конечно, она могла понять, что на кухне что-то подгорело, или ощутить вонь выхлопной трубы, но этим все и ограничивалось. А теперь окружающее наполнилось мириадами оттенков самых разных запахов. Анна Викторовна встретилась глазами с собакой, скучно бродившей возле зевающей продавщицы сосисок, и псина насторожила чуткие уши: поняла, что женщина, как и она сама, погружена в мир обоняния. У каждой сосиски был собственный, неповторимый аромат, и это не мешало собаке улавливать воздушные следы проходящих мимо людей и даже выяснять, что имен-

но лежит у них в кармане. И женщина тоже понимает кое-что из этого.

Анна Викторовна решилась наконец отойти от своего дерева и двинулась дальше по аллее. Возле детской площадки она снова остановилась. На гигантском надувном батуте с надписью «Сочи-83» скакали, вопя, маленькие обезьянки. Их крохотные сандалики стояли рядом на коврике, их ма-мashi, отдавшись от отпрысков на пятнадцать минут, спокойно курили, с отрешенным видом держа сигарету.

Анна Викторовна задумалась о городе Сочи — каким он был в 1983 году. Тогда еще не было, кажется, политкорректности, зато существовала дружба народов. И можно было поехать отдыхать в Сочи. Интересно, какой путь про-делал этот батут? И Анне Викторовне представился гигантский надувной викинг, чья голова в рогатом шлеме раскачивалась наверху. Как он, с сожалением покидая пальмы и теплый морской берег, бежит от войны — прячась в рундуках каких-то попутных поездов, корчась и свертываясь в рулон, забирается на верхние вагонные полки, как он упихивается в камеры хранения, подвергается досмотрам... В конце концов, Александровский парк — не самое худое пристанище для того, кто бежал от войны. Дети лазают по викингу, лупят его кулачками и резиновыми дубинками, викинг глупо, как и положено надувной игрушке, улыбается и сильно раскачивается из стороны в сторону, но Анне Викторовне вится в его улыбке нечто вполне осмысленное.

— Это не вы уронили?

Негромкий мужской голос.

Анна Викторовна обернулась.

— Вы мне?

Давно она не видела таких милых молодых людей. Парень лет двадцати пяти, не старше, с чуть растрепанными темными волосами, смотрел на нее с затаенной улыбкой. В руке он держал батистовый носовой платок — женский.

— Это не ваше?

— Нет...

У него были костлявые плечи, но сразу видно — сильные. В общем, конечно, самый обычный парень. Странно

только, как он смотрит на нее. С теплым, настоящим мужским интересом.

— А вас как зовут? — спросил он неожиданно.

— Анна Викторовна, — ответила она, тоже неожиданно для себя, поскольку мгновение назад собиралась кисло улыбнуться в ответ и пойти дальше.

— Как важно! — сказал он. — А меня — Денис. Знаете, у моей мамы есть вырезка из старой «Литературки» — там стихотворение про зиму по имени Анна. Я его каждый раз читаю, когда сажусь за ее стол. У нее под оргстеклом лежит. Царапаное оргстекло, еще из «ящика» притащено, в семидесятые... И представляете — до сих пор лежит!

— Представляю, — сказала Анна Викторовна. Она как-то сразу увидела квартиру с этим большим столом, захламленную мебелью, книгами, дискетами, двумя-тремя поколениями компьютеров и каким-нибудь полуудицким котом, который обитает в джунглях — на верхушках шкафов и серванта.

— А вот зимы по имени Денис нет, — добавил он, смешно пригорюнившись.

— Может быть, есть такое лето, — сказала Анна Викторовна. Просто так сказала, думая совершенно о другом.

Но он встрепенулся.

— Вы считаете? — переспросил он. — Вы всерьез считаете, что возможно такое лето? По имени Денис?

Она пожала плечом.

— До свиданья, Денис. Приятно было поговорить.

В его взгляде скакнуло отчаяние.

— Вы уходите?

— А что мне делать?

Она удивлялась все больше и больше. Молодой человек перестал казаться ей приятным. В последний раз с Анной Викторовной заговаривали на улице — вот так, ни о чем, — лет тридцать назад, и она восприняла это как курьез: в возрасте двадцати трех лет она уже считала себя чересчур солидной для уличных знакомств. И вот — нате! В пятьдесят с хвостом — началось! Вспомнился извращенец-другой из

числа любовно показанных в передаче «Дежурная часть: Питер». Анна Викторовна холодно поджала губы.

— До свидания, Денис.

И пошла дальше. Теперь ноги слушались гораздо лучше. Только сандалии противно приклеивались к пяткам и хлопали при каждом шаге. Спустя несколько минут Денис догнал ее и что-то сунул в руку.

— Что это? — Она вздрогнула. — Вы с ума сошли?

Это был батистовый платочек, на котором синей шариковой ручкой был нацарапан номер мобильного телефона.

— Просто возьмите, — сказал он. — Позвоните, если захочется. Позвоните зимой. Я верю в такие встречи.

Она хотела с негодованием выбросить платок, но он сам собой заполз к ней в кармашек. Анна Викторовна давно забыла о том, что на ее сарафане имелся кармашек, потому что никогда не пользовалась им — слишком туга натягивалась ткань на животе. Но кармашек был и как будто ждал своего звездного часа.

Анна Викторовна отдернула руку. Денис отступил на шаг, и она поняла, что он и не собирался удерживать ее.

Она почти побежала.

Только на лестнице Анна Викторовна поняла, что где-то забыла авоськи с продуктами. «Отдышусь, а потом пойду забирать, — подумала она. — Или дочь попрошу. Пусть поможет. Она, должно быть, уже вернулась с работы».

Дочь действительно была дома. Услышав знакомый голос — «это я», она открыла дверь и отступила на шаг в полутемную прихожую.

— Вам что нужно? — спросила она. Анна Викторовна с удивлением поняла, что дочь чем-то испугана. Дочь часто смотрела передачу «Дежурная часть: Питер». Она говорила, что имеет право «знать».

— Как — «что нужно»? — засмеялась Анна Викторовна, пытаясь войти в квартиру.

Но дочь метнулась ей навстречу, держа в руке бутыль с кислотой. Бутыль была заготовлена заранее — на случай вторжения в квартиру террористов.

— Ты куда, а? Куда лезешь? — закричала она тоненько и скособочила рот.

— Да пусти же! — Анна Викторовна попыталась оттолкнуть ее, но та шарахнулась и приняла угрожающую позу.

— Оболью! Не подходи!

Анна Викторовна замерла. Должно быть, дочь сошла с ума. По женской части. Такое случается. Хоть бы любовника себе завела, что ли, — так нет, мадам Ходячая Добротель находится в вечных поисках Вечной Любви. Согласно утвержденной схеме, Вечная Любовь должна выглядеть так: Он полюбит ее такую как есть, то есть с насморочным носом, изжеванным лицом и обыкновением непрерывно жаловаться громким плаксивым голосом. За этой маской Он обязан сразу разглядеть Тонко Чувствующую Душу — ивести себя соответственно. И напрасно Анна Викторовна твердила, что так не бывает.

«Как же Он сходу угадает, что ты добра, заботлива и мила, если ты столь удачно скрываешь это обстоятельство?» — вопрошала Анна Викторовна.

«А вот!» — отвечала дочь. Возразить, разумеется, было нечего...

И вот — готово. Свихнулась.

Лучше уйти, соображала Анна Викторовна. Неровен час плеснет. Ее в дурку упрачут, а мне ходи до конца дней с пятном на физиономии... если в глаза не попадет.

Все-таки она попыталась еще раз.

— Доченька, — проговорила Анна Викторовна вкрадчиво.

— Какая я тебе доченька! — закричала дочь пуще прежнего. — Ходят тут, побираются! Прошлым годом мед продавали! Ваши, небось? Тоже влезла молодуха: «доченька, доченька»... — а потом весь мед сахаром пошел! Знаю я вас!

В прихожей стояло зеркало. Большое, мутное, с очень старых времен. Бог знает, какие красавицы в нем когда-то отражались, какие лихие господа вертели пред ним усами, а теперь оно было пыльным и облупилось. Сверху, на облезлой, но все еще резной темной раме, висели старые бусы.